

Николай Чернов

Когда вспоминаю о Николае Михайловиче Чернове, на душе становится как-то по-особому тепло. Благодарю жизнь за то, что подарила встречу с этим человеком. И очень хочу, чтобы в грядущих годах его не забывали. Этим и продиктовано моё желание рассказать о «большевике в краеведении»...

Истоки

Он родился 14 декабря 1927 года в деревне Удерево Колпнянского района Орловской области. У крестьянской семьи Черновых, судя по архивам, была трёхвековая родословная. Юный отпрыск славного семейства накануне Великой Отечественной войны закончил шесть классов Ярищенской средней школы. Колпнянский уроженец, будущий председатель Орловского избиркома Анатолий Трофимов заметил в одной из своих книг: «Николай Михайлович не только мой земляк, но и родственник. С его братом Михаилом и сестрой Верой я оканчивал одну и ту же среднюю школу. Это были великолепные ученики, непревзойдённые спортсмены, неповторимые товарищи. Поэтому не случайно Вера оказалась на редкость удачным педагогом, а Михаил – журналистом. В течение многих лет он редактировал одну из авторитетнейших газет нашей страны»¹. Однако жизнь не баловала будущих знаменитостей. Вот как писал Николай Чернов о сельском укладе:

«Удеревский мужик никогда в прошлом не пробовал ни икры, ни осетрины, как не видит их и теперь. Лакомством была селёдка, редкий калач, купленный за пятак у проезжего торговца, мёд два раза в году. Печёное яйцо, яблоко считались щедрым гостинцем... Хлеб, квас, овсяной кисель, пшённая каша – эта пища вдоволь подавалась

только в благополучных семьях. Щи с солониной – редкость. А кусок мяса или яичница с салом – праздничная еда... Великая ценность деревенского быта – общинная жизнь. Сельский мир, община лучше всяких административных учреждений оберегали человека от дурных поступков. Строго, но милосердно карали тех, кто оступится. В русских селениях всегда был в почёте коллективный труд. Он считался праздником. Вот почему многие из нас с восторгом вспоминают пору сенокоса и жатвы, весеннюю рыбалку и ледоход, ночную пастьбу лошадей или незабываемые сцены беления холстов, когда на берег реки выходило всё женское сословие»².

Подростком Николай Чернов пережил фашистскую оккупацию. Об этом времени он не любил вспоминать в обыденном разговоре, что вполне понятно: немцы оставили о себе память в Колпне неслыханными злодеяниями. Откройте подшивку «Орловской правды» начала 1943 года, и вы найдёте здесь серию репортажей и очерков из освобождённых колпнянских деревень: оккупанты расстреливали, сжигали крестьян, оставляли их замерзать на лютом морозе, морили голодом, а с детей живьём сдирали кожу для лечения своих обгоревших лётчиков...

Понятно, что мечтой сельского подростка, ждавшего день освобождения, была служба в Красной Армии. И его сразу мобилизовали, но по малолетству отправили не на фронт, а на Урал, в школу ФЗО. В Магнитогорске Николай Чернов получил специальность слесаря-сборщика, работал на металлургическом комбинате. Однако стать настоящим металлургом не довелось: 16-летнего Николая уже как знатока рабочего дела перебрасывают в родные места, в Елец, готовить молодые кадры для промышленности. С апреля 1944 года он работал мастером, а затем старшим мастером производственного обучения в школе ФЗО № 8. В 1948 году вступил здесь в коммунистическую партию.

Вскоре Чернова перевели в Орёл, в областное управление трудовых резервов на должность инженера по производству. Предстояло навёрстывать то, чего помешала достичь война. В 1952 году, работая старшим инспектором управления, Николай Чернов экстерном сдал экзамены на аттестат о среднем образовании и тогда же поступил на заочное отделение факультета русского языка и литературы Орловского пединститута.

В эти годы он был внештатным лектором-международником обкома КПСС. А.Н. Трофимов уже тогда обратил внимание на незаурядные способности своего земляка: «Хорошо помню, как в те годы выступал в аудиториях Н.М. Чернов. Этот коренастый, обаятельный, пронизательный, милый, неповторимый человек одним словом завораживал присутствующих. Его ораторское искусство, чёткость выражений отличались изысканностью и совершенством»³.

По партийным поручениям и по основной работе Чернов объездил едва ли не всю область. В одной из его книг встречаем строки: «Помню, как с колхозным шофёром, давно покойным Григорием Ивановичем Быковым мы полдня буксовали в 1955 году в Сорочьих Кустах»⁴. Наверное, в таких поездках, в разговорах с местными жителями, даже в «пробуксовках» и рождался интерес к истории родного края, росло желание больше узнать о прошлом не только своих предков и родного села, но и изучить историю других районов, усадеб, «раскопать» родословную знаменитых некогда людей. Не случайно на созданном художником в 1960-е годы по заказу Чернова экслибрисе был изображён крестьянский мальчик, читающий книгу при свете лампы...

В памятном 1955 году появилась первая историческая публикация Чернова в местной прессе – это был очерк «В боевые

годы», напечатанный в газете «Орловский комсомолец» 17 сентября. В следующем году была только одна публикация в «Орловской правде» - к 125-летию Н.С. Лескова (причина «молчания» вполне понятна – выпускной курс в институте, назначение директором технического училища № 1 в Орле), позже последовала серия исторических статей – о Марко Вовчок, снова о Лескове, а также об Иосифе Дубровинском, революционном матросе Тарасе Силякове, об орловском комсомоле (всего за 1957 и 1958 годы Чернов напечатал в «Орловской правде», «Орловском комсомольце» и «Блокноте агитатора» около десятка материалов).

Чернова заметили. Заходя в только что открывшийся на улице Ленина магазин «Подписные издания», молодой краевед мог встретить здесь в букинистическом отделе писателей Евгения Горбова и Владимира Мильчакова, литературоведа Леонида Афонина, редактора «Орловской правды» Ивана Патенкова, адвоката с ещё дореволюционным стажем Ситникова и заслуженного учителя Милина. Все они были завзятыми книголюбями, все приходили сюда «на огонёк» к Василию Фёдоровичу Чеботарёву, заведовавшему этим отделом. Чернов вспоминал три десятилетия спустя: «Терпеливо учил он начинающих библиофилов всему, что знал сам о редкой книге. Как талисман стоит у меня на полке 2-й том «Полного географического описания России» (СПб., 1902), который Василий Фёдорович мне буквально всучил. Я тогда ничего не знал об этом издании и без воодушевления отнёсся к перспективе заплатить за том приличную по тому времени сумму в 10 рублей, при месячной зарплате в 930».

В числе орловских наставников Николая Чернова можно назвать и Александру Ульяновну Яцукову. Бывший комсомольский работник 1930-х годов, она стала весьма опытным архивистом, знатоком местных фондов. Творческий рост Чернова был стремительным – уже в 1958 году в республиканской газете «Советская Россия» появляется

его статья об участии А.А. Фета, Л.Н. Толстого и И.С. Тургенева в строительстве сельской больницы. В 1959 году издана книга об истории орловского комсомола - одна из глав написана Черновым совместно с Яцуковой. И так, 1959 год стал переломным в его судьбе – появилась первая статья в «Малой Советской энциклопедии» (о городе Орле), вышла первая книга («Литературные места Орловской области»), состоялось зачисление в аспирантуру...

Но вначале несколько строк о первой книге Чернова. У тогдашних орловских читателей она, возможно, вызывала двойственное впечатление. Что это, собирательская забава директора училища и недавнего дипломника филфака? Или начало большой, на всю жизнь поисковой и исследовательской работы? Как это можно было тогда предсказать?

В предисловии автор приглашал читателя в воображаемое путешествие: «Пройдитесь в часы досуга по улицам Орла, посмотрите внимательно вокруг, и вы увидите, какой отпечаток наложило время на этот старинный русский город. Перед вашими глазами встанут ожившие страницы истории, те времена, когда Орёл был одним из бастионов русского государства на его южных границах... Эта книга является первой попыткой создать описание литературных мест орловского края. Она не претендует на исчерпывающую полноту освещения вопроса. Её цель – дать краеведам и любителям родной литературы исходный материал для исследовательской работы, познакомить их с теми местами, которые связаны с творчеством или биографией известных русских писателей и поэтов... Учителя, студенты, школьники, туристы могут использовать эту книгу как путеводитель для походов по литературным местам. Работа по их изучению только начинается, и, безусловно, она привлечёт внимание местных литературоведов и краеведов»⁵.

Личный интерес Чернова удивительно точно совпал с духом времени: в эпоху оттепели открывались новые страницы нашей истории, из забвения были подняты имена многих литераторов. Автор ясно понимал эту взаимосвязь, говоря, например, о значении произведений Лескова для истории Орла: «Сколько-нибудь серьёзное изучение творчества Н.С. Лескова немыслимо без изучения истории нашего города, равно как и история Орла была бы неполной, если бы в ней не нашли своего места произведения Лескова, который всегда считал писателя не «выдумщиком», а «секретарём» своего времени»⁶.

Читатели книг и статей Чернова, свидетели того, как Орёл залечивал военные раны, хотели знать больше о своём городе, быть людьми эрудированными и сведущими в былой судьбе родного края. Чернов на этой ниве просвещения с первых шагов оказался удачливым первооткрывателем, хотя, конечно, многие открытия были далеко впереди. С улыбкой, к примеру, сейчас встречаешь упоминание во втором издании книги (1961) повести Бунина «Лика» (теперь-то мы знаем, что это была всего лишь усечённая советскими издателями глава из романа «Жизнь Арсеньева»)...

Итак, повторим, первую книжицу Чернова в Орле встретили без фанфар и восторгов. 21 февраля 1960 года в «Литературной странице» «Орловской правды» появилась рецензия В. Громова «Новые книги орловцев». Владимир Алексеевич писал о новинке своего коллеги: «Недавно Орловское издательство выпустило полезные очерки Н. Чернова, описавшего основные литературные места нашей области. Читатели получили достоверное пособие, хоть и не лишённое ряда упущений, отдельных, не всегда убедительных выводов. Теперь мы имеем возможность значительно лучше ориентироваться в «литературной географии» того «плодородного подстепья», откуда, по меткому выражению Бунина, «вышли чуть не все величайшие русские писатели».

Однако сей скромный труд Николая Чернова был замечен не только в Орле: о нём написали авторитетные журналы «Филологические науки» и «Подъём», отклик появился даже в парижской газете «Русские новости».

Так сложилось, что получив сигнальный экземпляр своей первой книги, Чернов уехал в Москву на учёбу в аспирантуру. Возможно, тогда казалось, что расставание с Орлом временное, до защиты диссертации. Во всяком случае, Чернов продолжает активно печататься в родном городе, его имя неизменно называют в ряду местных литературоведов. Легендой ныне стала находка Черновым рукописи первой истории города Орла. Просматривая в Центральном государственном архиве литературы и искусства фонд И.А. Шляпкина, увидел упоминание о хранящейся здесь тетради орловского мещанина Д.И. Басова (прежде повествование первого орловского летописца было известно в отрывках, считалось, что оригинал утрачен): «Хорошо помню тот день. Сотрудница архива, загадочно улыбаясь, положила на мой стол толстую тетрадь в потрёпанном картонном переплёте...». находка летописи была как нельзя кстати накануне 450-летия города Орла, которое отмечалось в 1966 году.

Чернов постоянно печатался в те годы в Орле. Его обширное исследование по неопубликованным архивным материалам «О памятнике И.С. Тургеневу» было помещено в ставшем ныне хрестоматийном сборнике «И.С. Тургенев (1818 – 1883 – 1958). Статьи и материалы» (Орёл, 1960). Выходит переиздание первой книги, правда, название было несколько изменено – «Литературные места Орловского края» (1961), появляются публикации в академических столичных журналах «Вопросы литературы», «Исторический архив».

Молодой провинциал Чернов увидел то, что ускользало из виду у академиков и профессоров: «Тем, кто читает и изучает Тургенева, иногда приходится разгадывать сложнейшие ребусы. Отдельные

эпизоды из его жизни требуют пояснения, а сочинения и переписка нуждаются в ещё более тщательном комментировании»⁷. Так определилось направление будущего поиска, после таких «дебютов» Чернов быстро занял место в плеяде авторитетных исследователей литературной истории края. Под рубрикой «Навстречу декаде литературы в Орловской области» «Орловская правда» 7 апреля 1961 года опубликовала обзорное доцента ОГПИ М. Минокина «Краеведы-литераторы».

«Советские литературоведы многое сделали по изучению наших знаменитых земляков-писателей. Свой скромный вклад в это общее дело внесли и орловские литераторы. Причём местные работники литературы в ряде случаев дополнили и уточнили исследования литературоведов из других городов. В связи с этим следует назвать имена Л.Н. Афолина, Н.М. Чернова, В.А. Громова, В.М. Шепелева, Б.В. Богданова».

Примечательно окончание этой публикации: «Несмотря на то, что отдельные литераторы-краеведы по собственному почину кое-что делают, в целом эта работа не приняла массового и организованного характера. Хотелось бы, чтобы её поддержали комсомольские организации, районные газеты, руководители школ и отделов народного образования». Непонятно, причём здесь комсомол – все перечисленные авторы уже вышли из комсомольского возраста, да и районные газеты вряд ли чем могли им помочь. Почему-то думали тогда, что краеведение можно насаждать как кукурузу, тем же «квадратно-гнездовым» методом.

Москва

Но нет худа без добра. В разгаре хрущёвской перестройки и перетряски кадров в отставку уходили мастера сталинской идеологии.

На замену им нужны были абсолютно новые люди – желательно из провинции, энергичные, знающие...

Итак, в 1959 году Чернов был зачислен в аспирантуру Академии общественных наук на кафедру литературы и искусства. По окончании аспирантуры в 1962 году его назначили на должность инструктора отдела культуры ЦК КПСС, позднее работал там же консультантом. Диссертацию он так и не защитил, однако её капитальный набросок ныне можно найти в сборнике «Основные проблемы советской литературы на современном этапе» (М., 1962) – труд имел весьма громкое название «Социалистический реализм и художественная правда в искусстве»...

О характере работы Чернова в ЦК в 1960-е – 1980-е годы и её итогах лично мне судить трудно. Вряд ли он был на плохом счету – 27 лет в главном партийном штабе страны просто так никого держать не будут. Но догадки – вещь зыбкая. Поэтому не будем гадать. Да и сам старик Чернов не любил вспоминать о своей более чем четверти века в ЦК. Может быть, ещё и потому, что работа здесь не дала ему защитить диссертацию – не по рангу было начинающему сотруднику получать учёную степень. Максимум, что позволялось, - писать агитпроповские рапорты. Но Чернов был не охоч до этого занятия. Лишь несколько раз он отметился на книжном небосклоне публикациями, подготовленными в рамках служебных обязанностей. В столичном издательстве «Знание» в серии «Навстречу XXIV съезду КПСС» в библиотечке «От съезда к съезду» вышла его брошюра «Развитие культуры в СССР» (1971). В ней была всего 31 страница, зато тираж составил 80 тысяч экземпляров, да и цена была более чем доступной – всего 6 копеек. А ещё были отклики на выход томов полного собрания сочинений Ленина (1966), соавторство в «Кратком справочнике политинформатора и агитатора» (четыре издания в 1970-

е годы), редактирование пары сборников на идеологические темы (1982, 1985)...

Как заметил один из работавших некогда в ЦК, «бросались в глаза стерильная чистота, бесконечные ковровые дорожки и тишина коридоров, в которых не сразу встретишь движущегося человека». Леонид Млечин в книге «Брежнев» пишет, что в аппарате ЦК превыше всего ценились дисциплина и послушание: «Попытки проявить самостоятельность и высказать собственное мнение заканчивались крушением карьеры. Важнее всего было понять, чего желает непосредственный начальник». Кстати, Млечин отмечает: людям, пришедшим в ЦК не из аппарата, а из науки и журналистики («не свои!») инстинктивно не доверяли, их подозревали в ревизионизме, хотя и не всякий работник аппарата мог объяснить, что это такое. Что ж, возможно, увлечение Чернова тургеневской темой в глазах начальства выглядело куда как более безобидно, чем интерес к философии или абстрактному искусству...

Ещё одной отличительной чертой Чернова была его деликатность, умение решать вопросы без конфликтов и столкновений разных сил. Секретарь «родного», Колпнянского, райкома КПСС Марат Николаевич Шмельков, вспоминая о мытарствах вокруг разрешения построить Дворец культуры в Колпне, рассказывал: «Появилась возможность посетить в ЦК КПСС нашего земляка Чернова Николая Михайловича, работавшего в то время заведующим сектором культуры. Встреча состоялась. Выслушав обо всех моих похождениях, сказал: «Помочь в этом деле ничем не смогу, поскольку есть правительственное решение о приостановке включения в планы строительства объектов не первоочередной необходимости, но по приезде тебя в Госплан я позвоню в отдел по строительству объектов народного образования и культуры, поинтересуюсь ходом рассмотрения твоего вопроса. Переговорю и с Е.Е. Миловым (Милов

Евгений Емельянович – заместитель министра культуры РСФСР по вопросам капитального строительства. – А.К.)». Конечно, звонок из ЦК тогда многое значил и сыграл свою решающую роль»⁸.

ЦК предоставил Чернову скромный служебный кабинет и одновременно грандиозные возможности для знакомства с интеллектуальной элитой страны, для особых отношений с совершенно недоступными, казалось бы, людьми. Орловский уроженец не кичился этими знакомствами. Просто на склоне лет мог при случае вспомнить о той или иной встрече. Например, так: «Мне однажды, кажется в 1965 году, довелось встретиться с этим маститым учёным (Н.К. Пиксановым, автором фундаментального исследования «Областные культурные гнезда». - А.К.). Помню, что он предостерегал от опасной узости литературного краеведения, с чем в то время мне трудно было согласиться. И только теперь понимаешь, как дальновиден и справедлив был Пиксанов в своих опасениях»⁹. А сколько было таких встреч в Москве, в Ленинграде, в других городах!

В 1964 году в академическом издании «Тургеневский сборник. Материалы к Полному собранию сочинений и писем И.С. Тургенева» публикуется статья Н.М. Чернова и В.А. Громова «Тургенев и болховский помещик И.В. Лавров», а в следующем выпуске этого сборника (1966) - комментарий Чернова к «Отцам и детям» «Уездный прогрессист Н.Д. Карпов». Особенно востребованными оказались его изыскания в связи со 150-летием со дня рождения И.С. Тургенева – появляются обширные публикации в «Литературной газете» и «Литературной России».

Чернов в 1960-е и 1970-е годы стремительно «рос». Изменился даже его экслибрис: вместо крестьянского мальчика мы видим на книжном знаке классический профиль немолодого Тургенева. Чем больше Николай Михайлович поднимался в своей познавательной, исследовательской деятельности, в конце концов, в своей

административной карьере, тем реже, увы, становились встречи с родным Орлом, с прежними орловскими коллегами: краеведами, музейщиками, архивистами, литературоведами.

Едва ли не главным его «представителем» в Орле был страстный библиофил Алексей Серафимович Захаров (1944 – 1991). Именно к нему Чернов обращался, если требовалось отыскать в родном городе какое-либо местное издание, уточнить сведения у старожилов и знатоков краевой истории. А Захаров в свою очередь часто бывал в Москве, с участием Чернова пополнял библиотеку. Ещё одна примечательная деталь: все свои издания на библиофильскую тему Захаров непременно дарил с благодарственными надписями Чернову.

Их очень сблизила «коронная тема» орловского библиофильства – поиск первых книг, изданных в Орле в начале XIX века. Николай Михайлович обследовал книгохранилища Государственной библиотеки имени В.И. Ленина и Исторической публичной библиотеки, что позволило выявить несколько не обнаруженных прежде орловских изданий того времени. Чернов нашёл также неизвестные сведения об И.Я. Сытине, первом орловском издателе. У Николая Михайловича была единственная в стране, хотя и неполная, коллекция первых орловских книг. И потому естественно, что он подготовил брошюру «Орловские пренумеранты», которая стала приложением к составленному А.С. Захаровым каталогу «Книги, отпечатанные в Орле в 1814-1830 гг.» (Орёл, 1987).

Н.М. Чернов собирал печатные материалы об И.С. Тургеневе и его окружении, вёл картотеку биографических сведений о писателе и его спутниках, изучал малоизвестные факты из жизни Тургенева, так называемые «белые пятна», апокрифические события из его биографии и творчества.

В разное время, как выражался сам Чернов, в его обширное «тургеневское собрание» поступили реликвии из коллекций Ю.Б. Шмарова, М.А. Дорофеева, В.М. Жаботинского, а также из семейных архивов М.Н. Эгерштром, З. П. Шеншиной, Рутценов, Дунаевских, Кутлеров, Бондаревых, О.И. Львовой, Н.С. Майковой, Н.К. Матвеева, А.С. Беэра, Н.Д. Кучина и других лиц, связанных с Тургеневым родственными, соседскими, дружественными узами.

Вообще краеведение Н.М. Чернова было очень связано с книжнической деятельностью. Он следил за книгами, занимался историей книги, отыскивал книги. Так случилось, что работавший в ЦК КПСС Чернов стоял у истоков создания в нашей стране общества книголюбов (было основано в 1974 году). В его библиотеке со временем собралось более десяти тысяч томов: книги по генеалогии, истории литературы, справочники по Орловской, Тульской, Калужской губерниям, книги и журналы, изданные при жизни И.С. Тургенева. Общую ценность этого собрания, наверное, невозможно обозначить какими-либо точными суммами. Достаточно сказать, что на июньском (2010 г.) аукционе элитарного аукционного дома «Империя» было выставлено на продажу большое количество книг из собрания Н.М. Чернова. Вокруг этих лотов развернулась серьёзная борьба именитых книголюбов.

Вспоминает о черновской библиотеке воронежский библиофил профессор О.Г. Ласунский: «Кроме обычной печатной продукции он подбирал «всякую всячину» - от дворянских генеалогических таблиц до малотиражных летучих изданий (памяток, программ, буклетов, пригласительных билетов и т.п.). Н.М. Чернов занимал довольно высокий пост в центральном партийном аппарате (являлся помощником заведующего отделом культуры), и многие материалы попадали к нему самотёком. К чести Николая Михайловича, он не кичился своим должностным положением, помогал, чем мог,

знакомым библиофилам. Строгая номенклатурная мораль не подавила в нём ни чувства корпоративной коллекционерской солидарности, ни самого собирательского пыла. В перестроечную эру нас отделили друг от друга политические разногласия, но я и по сей день с душевным теплом вспоминаю наше долголетнее общение и деятельную взаимопомощь на книжнической ниве.

Черновская «тургениана» представляла собой целостную однонаправленную коллекцию: с годами она обретала всё более очевидный научный статус. Примечательно, что владелец осуществил её на основе нескольких заметных публикаций в академических изданиях. Мне доставляло огромное удовольствие изучать содержание очередного указателя новых поступлений в собрание Н.М. Чернова: последнему удавалось выпускать в ведомственной множительной лаборатории каталожки своей тургеневской коллекции. В застойную пору такую роскошь могли себе позволить только очень влиятельные люди. Указатели вышли в 1978-1982 годах ничтожно малым тиражом (десять нумерованных экземпляров) и тогда же превратились в библиографическую редкость»¹⁰.

В одной из статей о библиофильстве Чернов назвал поимённо весь круг близких ему книголюбов Орла, причём не сопровождал его привычной оговоркой «и другие»: В.А. Громов, Л.Н. Афонин, П.В. Сизов, А.В. Кушаков, Д.Д. Ерохин, Г.Ф. Соловьёв, С.И. Фёдоров, Б.В. Богданов, Г.М. Шевелёва, А.И. Понятовский, Р.М. Алексина, Н.А. Плеханова. Называя эти имена, он писал: «Искренне радуюсь, к сожалению, редким теперь встречаю...» Да и круг этот с каждым десятилетием сокращался: первыми ушли Соловьёв, Афонин, Ерохин, за ними Сизов, Захаров, Пискунов...

Сохранялись старая дружба с В.Г. Сидоровым и В.М. Катановым, деловое общение с В.А. Громовым. А с кем-то дружба совсем не складывалась. Чернов теперь явно свысока посматривал на

«чернорабочих» провинциальной культуры, корпевших над пожелтевшими листами архивных дел и старинных фолиантов. Он прекрасно понимал, как невысок КПД этой монотонной работы вдали от союзных архивов и библиотек, вдали от академических центров. Складывался парадокс: именно провинциальным первопроходцам литературного былого он адресовал свои книги, а теперь упрекал их в нерезультативности поисков, в неумении отыскать и проанализировать интересные факты.

Сам он не раз читал в глазах собеседников немой вопрос: если ты успешный партийный деятель, то чего тебе не хватает, зачем тебе ещё и тургеневедение? Чтобы напомнить другим работникам аппарата ЦК – мол, есть иные ценности, кроме добросовестной повседневной службы?

Я расспрашивал орловских музейщиков о том, каким им запомнился Николай Михайлович Чернов.

Лидия Валентиновна Иванова: «Столько, сколько он накопал, никто не смог. Не боялся строить предположения (как и утверждения), не боялся потом признавать ошибки. Мне особенно приятно, что он поддержал меня в доказательстве того, что Колотовка – деревня орловская, а не тульская...»

Лариса Михайловна Маричева: «Был очень строг, при встрече сразу спрашивал: «Над чем работаете? Что нашли? С какими документами работали?» Однако у него самого много ошибок».

Людмила Анатольевна Балыкова: «Он самородок. Трудно понять, как сформировался такой интерес к Тургеневу. Этот интерес поглотил всю сущность Чернова. Да, он использовал служебное положение. Мог сказать: «Или отдаёте фотографии из альбома, или не получите разрешения для поездки за границу на симпозиум». Видимо, и такими способами собирались коллекции. До сих пор

обращаюсь к его книгам – ни у кого нет такого богатства сведений об окружении Тургенева. Хотя встречаются и ошибки.

Его визиты в музей в 1970-е годы были настоящей ревизией, взрывом бомбы. Все поначалу трепетали, были в ужасе от его строгостей и требований к сотрудникам. А спустя годы посмеивались над Черновым. Мы сочувственно относились к его положению в последние годы – дали его статью в сборник очень полно (т.е. без особых сокращений. По всей видимости, речь идёт о статье «Орёл в биографической хронике И.С. Тургенева» в «Тургеневском ежегоднике 2005 – 2006 годов». – А.К.). Его подсказки, советы неоценимы. Мне он подсказал ехать в рижский архив – там хранились письма Николая Сергеевича Тургенева. И это, действительно, была большая находка, я поехала и работала с этими письмами.

Был крайне жёсток. Помню громкие, горячие споры здесь в музее Чернова с В.А. Громовым. Потом Громов говорил: «Нет, пойду помирюсь, надо бы с Черновым не доводить до такого спора – он по-своему был прав». Нет, сейчас нет таких могучих фигур в тургеневедении. Одни ушли... Время теперь иное. Измельчали?

Главная претензия к Чернову – он зачем-то похлопывал Тургенева по плечу, подчёркивал, что старик Тургенев с иронией относился к пылкости и прекраснодушию юного Тургенева. Это коробит тургеневедов, несмотря на огромное богатство фактов, собранное Черновым.

Зачем ему это было нужно, непонятно. Возможно, сказывался его цековский статус.

И всё же мы должны признать огромное значение Чернова в тургеневедении. Его имя присутствует в каждом томе собрания сочинений Тургенева. Его интерес к Тургеневу был превыше всего в его жизни.

Было неприятно смотреть, как прежде пресмыкавшиеся после ухода Чернова на пенсию пытались сводить с ним счёты, принижать его значение. Это не украшает тех людей.

У него были несоизмеримые ни с кем возможности работы в архивах. Теперь его книги у меня на полке, я постоянно работаю с ними. Вряд ли кто, кроме Чернова, написал бы эти книги».

Ныне покойный историк дворянства Юрий Борисович Шмаров говорил: «Единственный в России тургеневед – это Чернов» (Шмаров тоже был фактограф, коллекционер и знаток генеалогии). А ещё его называли «Большевик в краеведении» (кстати, музейщики, будто сговорясь, считали Чернова именно краеведом, а не историком или литературоведом). Возможно, на восприятии Чернова в кругу специалистов сказывалось отсутствие классического (например, в стенах МГУ) филологического или исторического образования. Надо признать, что он всегда оставался чужим среди профессоров.

И всё же не стоит воспринимать Чернова как некоего ревизора провинциального литературоведения. «Простим угрюмство...» (одна бывшая музейщица в разговоре со мной без обиняков называла Чернова мрачным человеком). Его эпизодическая резкость в общении с тем или иным местным любителем истории неизменно сочеталась с искренним уважением к труженикам этой нивы. Да и была вызвана эта резкость вряд ли виной исследователя, но болью Чернова: сколько ещё не исследовано, сколько ещё даже не взято на заметку местными краеведами! К примеру, в одной из статей, перечисляя ряд хорошо известных орловцам имён (Л.Н. Афонин, В.М. Катанов, С.И. Фёдоров...), Чернов добавляет: «Сожалею, что не могу всех назвать. Ведь были ещё и труды областной библиотеки, такие, к примеру, как «Писатели орловского края». Были и есть работы завзятых библиофилов, краеведческого музея и музея изобразительных искусств. В совокупности это – немалое богатство»¹¹.

Не раз он повторял: «Мы беспечны и расточительны, потому что – очень богаты. Таких культурных традиций, как в тургеневском крае, может быть, нет ни у кого. Трудно поверить, но до сих пор на Орловщине едва-едва поминают наших земляков, в буквальном смысле деятелей мирового масштаба» Называя далее имена Н.Я. Данилевского, В.В. Розанова, М.М. Бахтина, С.Н. Булгакова, Чернов подытоживал: «Нет сомнения, что в комплексе орловских историко-литературных музеев со временем появится ещё один – музей истории общественной мысли в России. Для этого имеются все возможности – научный потенциал, опыт, библиотечные и архивные фонды, прекрасные кадры исследователей»¹².

Спасская хроника

В 1989 году Николай Михайлович вышел на пенсию. Первое время был занят крупным издательским проектом: в 1991 году в столичном издательстве «Наука» (серия «Литературные памятники») вышли «Записки охотника» И.С. Тургенева. Чернов был ответственным редактором книги и одним из авторов комментария. Однако в начале 1990-х годов на крупные издательские проекты, да тем более связанные с классической литературой, рассчитывать не приходилось. Взвзвись было писать обзорные статьи мемуарного характера (пример — о библиофильстве на Орловщине), Чернов, насколько я могу судить, вскоре охладел к этому занятию «истинного пенсионера». Полновесных мемуаров мы в итоге так и не увидели. Зато его захватила ещё более сильная, чем прежде, волна интереса к Тургеневу (а отголосок увлечения «воспоминаниями» - сложившаяся несколько позже книга о Колпне, о родных местах).

Новый директор музея-заповедника «Спасское-Лутовиново» Николай Ильич Левин пригласил его на должность научного

консультанта. Предложение было весьма логичным, ведь Чернов был признан в мире как один из ведущих исследователей жизни и творчества Тургенева, авторитетный специалист по дворянской генеалогии.

Оглядываясь на минувшие десятилетия, мы видим, что в начале 1990-х у вышедшего на пенсию Чернова ещё было время для большой и результативной работы. Он наметил несколько задач. В первую очередь, резко поднять научный и интеллектуальный потенциал музея в Спасском-Лутовинове. Сюда он передал с течением лет, насколько мне известно, всё своё «тургеневское собрание». При деятельной помощи Чернова были налажены связи Спасского с ведущими литературными музеями страны, с другими учреждениями культуры федерального уровня.

Чернов внёс массу предложений в перспективный план деятельности научных сотрудников, постоянно консультировал их. Он многое сделал для осуществления своей мечты – начала издания научного сборника «Спасский вестник». В музее-заповеднике стало традицией ежегодное проведение январских научных конференций, которые собирали литературоведов столиц и многих регионов страны.

Очень высокую планку поставил Чернов и для себя лично на 1990-е годы: составить «Спасскую хронику», большую серию очерков о Спасском и тургеневском окружении, подготовить книгу «Тургенев в Москве» и книгу о провинциальных дворянских гнёздах.

Да, задачи были трудновыполнимые: сказывались почтенный возраст, грандиозный кризис в стране, изменившийся статус Чернова – теперь перед ним не были столь широко и гостеприимно, как прежде, открыты двери архивов и фондов музеев. Но старик Чернов (так он себя периодически называл в те годы) не унывал. Постоянно ездил из Москвы в Спасское-Лутовиново, освоил компьютер и электронную почту.

Итак, его мечтой было издание «Спасского вестника» - сборника научных трудов и публикаций старинных документов с комментариями. Первая книжка «Спасского вестника» вышла в 1992 году, Н.М. Чернов был членом её редакционной коллегии, а В.А. Громов – ответственным редактором. В том сборнике всего 92 страницы, но это был первый шаг на большом пути – в последующие годы вышло более полутора десятков выпусков «Спасского вестника», к тому же их объём вдвое, а то и втрое превзошёл первенца. И не было ни одной новой книжки провинциального издания без публикации Чернова (одной, а в ряде сборников и сразу по две). Назову хотя бы некоторые из них: «Спасское-Лутовиново в XVIII веке» (№ 1), «И.И. Лутовинов, его дом и хозяйство» (№ 2), «В старину у Тургеневых» (№ 3), «По следам семейных реликвий И.С. Тургенева» (№ 4), «Лаврецкие и Лутовиновы в жизни и в романе» (№ 5), «Петербургская юность Ивана Тургенева» (№ 6), «Тургеневы в чужих краях в 1822 – 1823 годах» (№ 7), «Мансуровы и Галаховы – наследники Спасского-Лутовинова» (№ 9), «Лебедеянь: конная ярмарка и рассказ Тургенева» (№ 10).

Приветствуя читателей юбилейного, десятого выпуска «Спасского вестника», директор Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской академии наук Николай Скатов мог с полным основанием писать: «Если в прошедшие десятилетия музейные сотрудники Орла и Спасского-Лутовинова почитали за честь быть опубликованными на страницах «столичных» сборников, теперь учёные Москвы и Петербурга потянулись в «провинцию»... Ежегодные Спасские чтения, Тургеневские чтения в Орле, большие международные конференции, проводимые Орловским Государственным музеем Тургенева, собирают большое число участников».

В Спасском-Лутовинове с Николаем Михайловичем Черновым познакомился и автор этого очерка.

Памятные встречи

О Чернове-краеведе я, конечно же, слышал задолго до этой памятной встречи. Московский и «цековский» статус резко выделял его среди других исследователей истории Орловского края. О Чернове в конце 1980-х, помнится, в Орле говорили с особой интонацией: наверное, так же, как говорят об успешных... эмигрантах, о людях, добившихся успеха в каких-то дальних сферах – например, о конструкторах военной техники или необычайно разбогатевших финансистах. Казалось, он жил на другой планете, а нам, орловцам, оставил на память о себе давно уже выдержавшую три издания книгу о литературных местах Орловщины.

Пути наши никак не пересекались, хотя, на последующее удивление, Николай Михайлович был наслышан о моих первых краеведческих опытах и, как оказалось, с симпатией отнёсся к этим робким «шагам» вчерашнего студента.

Возможность познакомиться выпала только в начале сентября 1993 года. Я тогда работал на областном радио и в череде обычных журналистских заданий получил командировку в Спасское-Лутовиново – подготовить репортаж об открывающейся в музее выставке «Памяти Тургенева» (из материалов коллекции Н.М. Чернова с участием госзаповедника и госархива Орловской области). Вместе с телерепортёром Юрием Лёвиным дождливым утром 2 сентября мы выехали на редакционном УАЗике (этакий культпросветовский минифургон – едва ли не топ-модель советского автопрома) по направлению на Мценск. В тот год осень, помнится, была ранней –

дождь сбил на обочину дороги уже начавшую желтеть листву, всё по пути было умиротворённо после жаркого лета.

В Спасское приехали много раньше назначенного срока, и час или полтора были предоставлены сами себе. Нас «взял под опеку» Борис Викторович Богданов. Мы стояли на крылечке флигеля, укрывшись от нахлынувшего вновь дождя, слушали падение капель и рассказ старого музейщика о Тургеневе, о Спасском, об истории и культуре в эту новую, уже не советскую и не коммунистическую эпоху. Мы, молодые репортёры из Орла, задумчиво слушали, а он говорил и говорил, покуривая одну папиросу за другой.

Вошёл деловитый и озабоченный последними хлопотами организатор выставки Чернов - человек уже не молодой, но очень бодрый, уверенный в себе, полный идей и тем для большого разговора с любителями старины.

Я назвал себя, Чернов приветливо пожал руку, сказал несколько добрых, подбадривающих слов, пригласил быть поближе на экскурсии, которую должен провести после открытия выставки. У меня никаких возражений не было: на плече висел редакционный магнитофон, в руках был микрофон – мне важно было записать весь этот рассказ для очередной воскресной передачи по радио (напомню – год был юбилейный, на следующий день, 3 сентября исполнялось 110 лет со дня смерти писателя, а в ноябре предстояло отметить 175-летие со дня рождения Тургенева).

Сказать, что экскурсия произвела на меня ошеломляющее впечатление, - значит мало что сказать. Рассказ Чернова шаг за шагом, от портрета к портрету, от книги к старинному журналу был настоящим открытием абсолютно неизвестной мне истории малой Родины. Дома я прослушал ещё пару раз магнитофонную кассету с записью экскурсии и затем на всякий случай законспектировал её в

своей тетради для записей по истории. Этот текст хранится у меня по сей день.

Чернов как факир поражал внимание собравшихся в тот полдень в небольшой музейной зале во флигеле. Вот он начал рассказ о Фёдоре Ростопчине: что ни фраза, то открытие, то исторический парадокс. А вот рассказ об Алексее Беэре – друге Станкевича и приятеле Бакунина и Тургенева. Далее Гринвальд – друг юности писателя, командир кавалергардского полка, где служил Дантес. Короткая новелла о генерале Ершове – знаменитейшей личности Болховского уезда, возможно, именно он прототип многих тургеневских персонажей. А вот цензор князь Львов, чья повесть о приключениях мальчика во время Отечественной войны 1812 года издавалась девять раз... Священник Васильев, который в Париже каждую неделю бывал у Тургенева... Художник Князев, который жил на границе Болховского и Мценского уездов и иллюстрировал книги Тургенева. А ещё Карл Карлович Грот, семейство Тепловых, династия графов Комаровских...

Рассказывая о переданных в музей реликвиях, Чернов был по-настоящему счастлив. То, что прежде хранилось у него дома, как богатство скупого рыцаря, становилось достоянием общественности, достоянием просвещённого народа. И с каждым часом крепла надежда, что все эти имена тургеневского окружения, орловского дворянства теперь не обречены на забвение по идеологическим причинам. Открывается настоящий простор для исследований, подготовки книг, монографий, выставок, конференций. Это была победа!

Конечно, внимательный слушатель мог заметить и то, что Чернов уже не молод и вряд ли в силах замахнуться на масштабные исследовательские проекты. Тем больше внимания он обращал на идущих вслед за ним по исследовательской тропе. Не случайно он

постоянно повторял нам: «Обратите внимание на этот персонаж, получится интересный рассказ или очерк...»

В те годы между нами завязалась переписка, я побывал у него в московской квартире. Хорошо помню этот день - 28 октября 1993 года. Столица после трагических событий начала месяца была весьма мрачна – холодный серый город, унылые прохожие на центральных улицах. Ни привычного смеха в праздном столпотворении, ни весёлой музыки. А когда я вышел из метро на станции Фили, порадовали ласковое осеннее солнце, добрая умиротворённость во дворах жёлто-кирпичных многоэтажек, некогда построенных для служителей верховной власти.

Николай Михайлович в просторной квартире, отделанной теми же прибалтийскими деревянными панелями, что и многие служебные партаппартаменты, встретил радушно, угостил чаем с маленькими сухариками («как в ЦК КПСС», - пошутил он). Чернов сидел в удобном кресле, за его спиной расположились многочисленные книжные полки со старинными фолиантами, с весьма редкими современными изданиями. Внимательно расспрашивал об орловских новостях, особенно оживлялся, узнавая о том, что Н получил новую должность в областной администрации или из коммунистов перешёл в стан демократов. Часто следовал его ироничный, но добродушный комментарий по поводу провинциальных интриг («Эх, орловские байбаки!»). О Москве и делах столичных тогда, в конце октября 1993-го, речи почти не шло.

Говорили мы, конечно, и об истории. Прежде всего о семействе графов Комаровских и их имении Городище под Орлом. Николай Михайлович достал с полки воспоминания одного из Комаровских, прочитал наиболее интересные места в них, добавил, что Евграф Комаровский с семейством был на том самом злополучном пароходе, где едва не погиб юный Тургенев.

Мы говорили о Грановском, о Нилусах, о Ростопчине. Чернов поделился своим замыслом написать об истории Колпнянского района и показал наброски. Я тоже высказался об интересе к истории своих украинских предков, живших под Острогожском. Эта «малороссийская тема», к моему удивлению, вызвала наиболее оживление собеседника. Николай Михайлович, никогда не забывавший о крестьянских корнях, считал, что мы просто обязаны как можно подробнее рассказать об однодворческом сословии, об укладе его жизни, обычаях, выдающихся людях. По мнению Чернова, именно разработка темы «Хохляндии» была бы весьма оригинальной в отличие от массы других сюжетов, которые уже были вдоль и поперёк исследованы другими. И настойчиво посоветовал прочесть труды профессора Дмитрия Ивановича Багалея об истории Слободской Украины. Чернов добавил: «Мне самому книги Багалея дали толчок к историческим изысканиям».

Почему-то мне казалось тогда, что на прощание Николай Михайлович непременно должен подарить гостю какую-либо книгу из своего огромного собрания. Но, к сведению современного читателя, никаких подарков не было, хотя беседа наша вышла искренней, дружеской и попрощались мы очень тепло.

В последующие годы мы периодически встречались в Спасском, реже в Орле. Я с первых минут рассказывал о том, над чем работаю, делился планами. Чернов высказывал свои оценки этим темам, впрочем, никогда не настаивая закрыть то или иное исследование. Помнится, несколько раз он советовал мне непременно написать книгу о трёх орловских философах: Булгакове, Данилевском и Розанове... А в другой раз чуть не до слёз смеялся, вспоминая, как московские дамы-литературоведы прокомментировали рассказы И.С. Тургенева – получилась какая-то полная чушь в объяснении читателю, что такое, например, «замашки»... Эти встречи помогали мне вернее определить

направление краеведческой работы, давали уверенность и новые силы. Такую же роль играли и письма, приходившие в середине 1990-х от Николая Михайловича. Приведу ряд выдержек из них – как пример общения умудрённого жизнью исследователя с неискушённым коллегой в провинции.

Вот он пишет в ответ на моё сообщение о том, что подготовил на Орловском радио передачу о довольно заметной фигуре XVIII века Григории Теплове, его семье и планирую работать над большим очерком о них: «Ваше желание написать о Тепловых более всего привлекло моё внимание. Боюсь только, что сосредоточитесь на фигурах более или менее известных – Григории-старшем и сыне его Алексее, «лейпцигском студенте» и будущем ген.-губернаторе. На мой же вкус, сегодня весьма актуальна характеристика и деятельность Григория-младшего (ровесника и современника Тургенева) – педагога, учёного, либерального консерватора и англомана, писавшего книги для народа и повестушки... Очень любопытная фигура».

Отзыв Н.М. Чернова на присланные вырезки с моими краеведческими публикациями в орловских газетах: «Как жаль, что такие серьёзные очерки, как о хлебной торговле, обречены на недолгую газетную жизнь. Ведь это – исследования. В условиях нормальной цивилизации такие работы немедля собирают и издают отдельной книгой (так было, например, с Белоконским)» (уже скоро эти очерки вошли в мою первую книгу).

Откликнулся Николай Михайлович и на переход автора на работу из телерадиокомпании в пресс-службу администрации области: «Перемена обстоятельств в Вашей судьбе несколько меня не озадачила: творческому человеку везде место. Но скажу по опыту – надо действовать параллельно. Служба тогда только имеет смысл, если она дополняет всё остальное, что предназначено судьбой. Тогда в выигрыше обе линии. Напишите сценарий, сделайте короткий

телефильм о какой-либо личности, типа «уходящей натуры»... Скромный, негромкий, - но со смыслом» (Чернов как в воду глядел: через полтора десятка лет на телеканалах появились, без преувеличения, тысячи подобных фильмов, а в середине 1990-х этот жанр почему-то был не в чести).

Мне очень интересно было узнавать из писем, как коллега работает над очередными темами: где находит материал, как его отбирает... В апреле 1994 года он писал в Орёл: «Недавно я заново просматривал материалы Генер[ального] межевания 1785-95 гг. по Малоархангельску – там поразительные факты: с чего начинался город при Екатерине. Два казённых дерев[янных] дома, 4 питейных казён[ных] заведения, один казён[ный] конский завод, 295 обывательских домов – ни одного каменного строения. Из этого числа дворянских домов 6, лавок – 10, мещанских домов – 15, посадских – 73, разночинных – 201. Жителей разного звания: муж. – 545, женщ. – 1024 (!)».

Ещё отрывки из писем: «Теперь я кропаю рукопись под условным названием «Частная жизнь дворянских гнёзд» (книга вышла под названием «Дворянские гнёзда вокруг Тургенева». – А.К.). Экие предания, доложу я Вам!». «Теперь я занят выставкой: хотел бы показать старинные фотографии из своей коллекции. Девиз экспозиции «Судьбы дворянских гнёзд». Но это будет уже позднее. Сейчас только «размечу» выставку» (конец цитаты).

За строками этих писем – огромный труд: после ухода на пенсию и до последних дней Николай Михайлович продолжал неустанно работать над сбором, систематизацией материалов, связанных с жизнью и творчеством И.С. Тургенева. Были выпущены ещё четыре книги, написаны более ста статей. Не хочу подменять автора и пересказывать его труды. Просто дадим право голоса самому Чернову.

Последние годы

В 1999 году вышла из печати «Спасско-Лутовиновская хроника. 1813 - 1883». В предисловии автор писал: «Спасская хроника вызвана к жизни практическими потребностями, необходимостью иметь хотя бы бегло очерченный перечень событий, относящихся к Спасскому-Лутовинову и семье И.С. Тургенева»... Жизнеописание Тургенева, особенно ранний период, перегружено «художественными» сюжетами и мифами... В ближайшие годы в орбиту тургеневедения будут, вероятно, вовлекаться новые источники, целые комплексы материалов. Ожидается более свободный доступ к парижским и другим зарубежным архивам, к частным собраниям. Предстоит, мы надеемся, публикация писем к Тургеневу от его близких родственников. В перспективе – подготовка «Тургеневской энциклопедии» и научной биографии писателя. Всё это потребует обширных, достаточно достоверных знаний об окружении писателя, о его частной жизни, материальном быте. «Спасская хроника», пусть отчасти, возможно, окажет этому содействие»¹³.

В том же году выходит в свет его книга «Тургенев в Москве». Чернов вполне обоснованно объяснил важность именно такого обозначения темы: «В нескольких поколениях Тургеневы рождались и похоронены в Москве. Дед, Н.А. Тургенев, мать писателя, жена старшего дяди Катерина Михайловна, тётка Ивана и его крёстная Ф.Н. Теплова (родная сестра Сергея Николаевича), две Лутовиновых – тётки Варвары Петровны, - все покоятся в Донском монастыре. Их могилы сохранились. Возле алтарной апсиды Малого собора целый некрополь писательской родни! Ещё один тургеневский некрополь находился в Новодевичьем монастыре. К сожалению, он срыт в 1930-е

годы. Там, в частности, были похоронены старший брат писателя и его жена А.Я. Тургенева»¹⁴.

А вот строки из авторского предисловия к книге «Провинциальный Тургенев» (2003): «Творческий мир этого национального художника – стихия народной жизни, эстетика деревенской, усадебной культуры, язык и природа Средней России... Хотелось, чтобы потомки нынешних россиян сберегли свои столь ценимые во всём мире качества, такие, как высокая духовность и уважение к культуре. Однако останется, видимо, извечная сложность, непредсказуемость русского характера... Тургенев был мудр и прозорлив, умел предвидеть ход событий. Поражаешься его способности проникнуть в самую суть человеческой природы. В своём последнем письме, обращённом к жителям Спасского-Лутовинова, писатель завещал им две вещи: «Не пить без меры вина и учить ребятешек грамоте». Второй из наказов мы, кажется, выполнили, а вот первый – едва ли»¹⁵.

Татьяна Комарда писала в рецензии на эту книгу: «Вникая в обширный материал, собранный автором, знакомясь с документами, письмами и фотографиями, часть из которых публикуется впервые, читатель попадает в настоящий генеалогический лабиринт, в котором запрятана человеческая жизнь со своими радостями, страстями, ссорами, тайнами и легендами. Более того, потянув нить всего одной родословной, обнаруживаешь, как прихотливо нанизываются на нее события русского прошлого, где рядом с эпизодами из личной истории семьи располагаются общеизвестные имена и факты»¹⁶.

Научная и поисковая деятельность Н.М. Чернова в 1990-е годы не ограничивалась Спасским-Лутовиновым. Тогда в Москве ещё не был открыт музей писателя, зато появилась Библиотека-читальня имени И.С. Тургенева. С первых же дней её существования Чернов стал частным гостем и участником проводившихся здесь встреч.

Николай Михайлович ежегодно выступал на конференциях, постоянно оказывал помощь коллективу библиотеки-читальни своими консультациями; по заданию библиотеки готовил материалы, посвящённые жизни и творчеству И.С. Тургенева в Москве. А материал сложился богатейший: Чернов выявил более 50 мест, связанных с пребыванием И.С. Тургенева в Москве. Кстати, первое представление общественности книги «Тургенев в Москве» состоялось в этой библиотеке.

А ещё Чернов проводил автобусные экскурсии для сотрудников и читателей Тургеневской читальни, из личной библиотеки передал в её фонды книги, посвящённые жизни и творчеству Тургенева, материалы исследований.

Я уже обращал внимание на одну черту бытия Николая Михайловича на склоне лет: он освоил компьютерную технику и весьма деловито использовал электронную почту. Так уже сложилось, что представители старшего поколения не очень стремятся стать завзятыми компьютерщиками. Чернов, напротив, был рад воспользоваться новыми возможностями, которые открывала суперсовременная техника. Он принял самое активное участие в реализации Интернет-проекта «Русский писатель И.С. Тургенев» (открытие состоялось в марте 2002 года). Предполагалось собрать на сайте www.turgenev.org.ru воедино информацию о Тургеневе, биографические справки, статьи о его жизни и творчестве.

Новинка вызвала хорошие отзывы в центральной прессе. К примеру, «Независимая газета» писала: «Сайт, посвященный Ивану Сергеевичу Тургеневу, хорош своей неакадемичностью. Помимо обязательных *орегатомпиа*, здесь фототекстовые экскурсии по всем российским музеям писателя, галерея его портретов и иллюстраций из прижизненно изданных книг. А главный козырь - чуть ли не ежедневное появление свежих филологических... не штудий, но

очерков, сюжетных и познавательных. Автор большинства из них - известный тургеневед Николай Чернов. Пути его разысканий неисповедимы. Тут вам и судьба семейных реликвий (потомки Полины Виардо зажилили многие раритеты), и жизнеописание дворовой челяди Тургенева. Точно устанавливается, кто именно из ровесников-крепостных с маленьким Ваней читал «Россиаду» (есть ведь и другие мнения на этот счет). Недаром рачительное хозяйство сайта было удостоено многих наград от сетевых организаций»¹⁷.

Возможно, перечисление этих наград не обязательно для очерка о Чернове, но истины ради хочу назвать хотя бы две из них, чтобы показать: бывший работник ЦК и знаток русской истории был оценён и вполне прагматичными иностранцами. Старания тургеневедов в Интернете были отмечены премией от Critics Choice Award за «высокий профессионализм, дизайн и социальную значимость» и премией Perm Heritage Award (эта международная веб-награда учреждена с целью отблагодарить создателей сайтов, посвятивших свои работы историческому и культурному наследию).

И, конечно же, нельзя не вспомнить о книге Чернова «Колпна изначальная» (она была издана в Орле в 2003 году под названием «Колпна: Рассказ о её прошлом, осколки которого ещё можно собрать»). Вряд ли кто ещё из наших современников собрал такой богатый материал об этом уголке земли орловской. Чернов показал пример многим исследователям: работая в архивах над диссертациями и монографиями, найдите час и для изучения минувшего малой Родины.

Книга разительно отличается от множества историй городов и районов. В ней нет школярского пустословия, к которому авторы нередко прибегают для восполнения явных пробелов. В ней нет псевдонаучной велеречивости. Это образец бытописательской истории, сродни книгам Сергея Максимова и Константина

Паустовского. Наверное, только Чернов мог писать так просто и так ёмко о судьбах своих земляков: «Некоторые из этих людей забыты совсем. Других мы знаем скорее по именам, чем по обстоятельствам. Одним из первых врачей, постоянно живших в Колпне, запомнился Александр Фердинандович Гельбке, из обрусевших немцев. Недавно я встречался с его внуком, живущим в Бельгии. Он удивился, узнав, что дед его был ко всему прочему талантливым скрипачом»¹⁸.

Лично мне очень запомнилась концовка книги: «Наступили относительно благополучные 1920-е годы. Возникла уверенность, что самый бедственный период позади. Крестьянские хозяйства становились на ноги, появился лишний хлеб. Селения строились и обновлялись. За всю историю Колпенской волости она никогда уже более не была такой многочисленной. Старики вспоминали потом этот период как золотой сон. Однако новые тяжкие испытания стояли на пороге. Но это будет уже другая повесть»¹⁹.

Кто же напишет эту повесть? Сам ли Чернов делал какие-то наброски? Или видел в кругу орловских краеведов близких по теме людей? Лично я этого не знаю. Николай Михайлович умер 2 февраля 2009 года. Ныне с грустью приходится осознать, что уже не увидим на книжной полке его новых книг. И дело не только в том, что он не представит на суд общественности новые факты из биографии Тургенева, из прошлого Орловского края.

Очень хочется, чтобы новыми поколениями исследователей не был утрачен «метод Чернова» - метод его неустанной разработки «подпочвы тургеновского космоса», отбора и систематизации фактов, умение связывать их и выстраивать в большое историческое повествование. Не случайно он когда-то говорил об условности самого понятия «литературные места». Как мы будем трактовать этот термин в XXI веке? Будем его сужать до чеканной строки литературной энциклопедии? Или расширять до картин бытовой

истории? В своё время крестьянский сын, «большевик в краеведении» Николай Чернов сумел дать ответы на многие поставленные эпохой вопросы. В этом, наверное, он был и навсегда останется незаменим.

Краткая библиография книг Н.М. Чернова

Литературные места Орловской области. – Орёл: Орловское книжное издательство, 1959.

Литературные места Орловского края. Изд. 2-е, доп. – Орёл: Орловское книжное издательство, 1961.

Орловские литературные места. Изд. 3-е, доп. – Тула: Приокское книжное издательство, 1970.

Спасско-Лутовиновская хроника. 1813 – 1883. Документальные страницы литературной и житейской летописи. - [Тула], 1999.

Тургенев в Москве. – М.: Грааль, 1999.

Провинциальный Тургенев. – М.: Центрполиграф, 2003.

Дворянские гнёзда вокруг Тургенева. Очерки помещной и культурной жизни прошлых столетий в провинции. – Спасское-Лутовиново, 2003.

Колпна: Рассказ о её прошлом, осколки которого ещё можно собрать. – Орёл: Издательство ОРАГС, 2003.

¹ Трофимов А.Н., Уварова Д.О. Светотени. Заметки о выборах, нравственности и преемственности поколений. – Орёл: Издательский Дом «Орлик», 2006. – С. 175

² Колпна: Рассказ о её прошлом... - Орёл, 2003. - С. 109.

³ Трофимов А.Н., Уварова Д.О. Светотени. - С. 175-176.

⁴ Колпна... - С. 3.

⁵ Литературные места Орловского края. – Орёл, 1961. – С. 5,7.

⁶ Там же. С. 54.

⁷ Дворянские гнёзда вокруг Тургенева... – Спасское-Лутовиново, 2003. - С. 5.

⁸ Трофимов А.Н., Уварова Д.О. Светотени. - С. 115

⁹ Дворянские гнёзда вокруг Тургенева... - С. 279.

¹⁰ Ласунский О. О личных архивных коллекциях // Воронежский вестник архивиста. Вып. 4. – Воронеж, 2006. - С. 13 – 14.

¹¹ Дворянские гнёзда... - С. 281.

¹² Дворянские гнёзда... - С. 28; Провинциальный Тургенев. – М., 2003. - С. 172.

¹³ Спасско-Лутовиновская хроника... - [Тула], 1999.- С. 2.

¹⁴ Тургенев в Москве. – М., 1999. - С. 13.

¹⁵ Провинциальный Тургенев... - С. 3 - 4.

¹⁶ Комарда Т. Лабиринт Спасского-Лутовинова // Независимая газета, 2003, 18 дек.

¹⁷ Евстигнеев Д. О Толстом лучше думать, чем говорить: Кто нынче сетевой хед-лайнер среди русских классиков // Независимая газета, 2003, 13 февр.

¹⁸ Колпна... - С. 202.

¹⁹ Там же. С. 222.